

В. Н. АВТОКРАТОВ

**ПЕРВЫЕ КОМИССАРИАТСКИЕ ОРГАНЫ
РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ
(1700—1710 гг.)**

Первое десятилетие XVIII в. — переломный период в истории русских вооруженных сил. Он характеризуется развитием и становлением новой, регулярной армии и одновременно отмиранием военной организации предшествующего периода — ликвидацией и преобразованием поместного ополчения, стрелецкого войска и полков «нового строя». Оба эти процесса происходили в условиях напряженной войны с первоклассной военной державой тех лет — Швецией, чем и объясняется интенсивность всех военных мероприятий правительства.

Главная цель переустройства вооруженных сил России заключалась в приспособлении их к новым способам ведения войны, основанным на принципах стратегии маневра и линейной тактики. В предыдущую эпоху русское войско накопило значительный опыт в этом направлении и имело необходимые предпосылки для такой реорганизации¹.

Частью военной реформы было преобразование центральных органов управления войсками, особенно в первое десятилетие Северной войны.

Между тем вопрос о деятельности различных звеньев военного управления менее всего исследован. Почти не подверглась изучению деятельность органов, осуществлявших так называемое «комиссариатское обеспечение» армии, т. е. финансовое снабжение войск и обеспечение их всеми видами материального довольствия, кроме провиантского. Комиссариатские органы зародились и организационно оформились в первый период Северной войны и сыграли огромную роль в создании и становлении регулярной армии.

В XVII в. русские вооруженные силы состояли из различных категорий войск, отличавшихся социальным составом и внутренней организацией (поместное ополчение, стрельцы, войска «нового строя» и т. д.). Каждая из этих групп комплектовалась, вооружалась, обмундировывалась и проходила обучение на разных основаниях. Разными были и формы материального обеспечения. Дворяне и дети боярские получали от правительства поместья, а также (нерегулярно) денежное жалованье. Стрельцы при зачислении на службу получали земельные участки и дом (или деньги на его постройку), им устанавливалось денежное и хлебное жалованье, предоставлялось право беспошлинной торговли и т. д.

¹ Л. Г. Бескровный. Стратегия и тактика русской армии в полтавский период Северной войны. — В кн.: «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения», сборник статей. М., 1959, стр. 22.

Войска нового строя также не имели общих принципов материального обеспечения: большая часть солдатских формирований получала денежное жалованье (часть была посажена на землю), рейтары и копейщики в основном служили с поместий.

Такой разномасштабности вооруженных сил соответствовал децентрализованный порядок управления ими. Ратные люди разных категорий управлялись разными приказами — Разрядным, Пушкарским, Стрелецким, Иноземским, Рейтарским. Это серьезно затрудняло руководство войсками и их материальное обеспечение. Положение усугублялось тем, что параллельно сохранялся порядок территориального управления некоторыми воинскими частями: Новгородский, Смоленский, Казанский и другие приказы ведали отдельными частями войска, расположенными на подведомственной им территории.

Попытки усовершенствовать военно-приказное управление наблюдались и в XVII в. Наиболее серьезные из них относятся к 1680 г., когда правительство решило перейти к территориальному порядку управления и сосредоточить руководство вооруженными силами Европейской России в основном в двух приказах: Разрядном и соединенном в одно учреждение Иноземском и Рейтарском (Пушкарский приказ был в 1678 г. влит в состав Рейтарского). С ограниченными функциями оставались ведавшие военными делами Стрелецкий и Казанский приказы. Реформу постигла неудача вследствие нескольких причин, в частности, намеченная централизация управления пришла в противоречие с сохранившейся децентрализованной системой снабжения ратных людей.

В начале XVIII в. процесс унификации вооруженных сил и создания регулярной армии, основанной на общих принципах комплектования, обучения, организации, однотипно вооруженной, обмундированной и снаряженной, целиком принятой на казенное обеспечение, протекал параллельно с перестройкой центрального и местного аппаратов управления и находился в тесной взаимозависимости с ними.

Единый центральный военный орган был окончательно создан лишь в конце Северной войны в виде Военной коллегии², а в начале войны, на рубеже XVII и XVIII вв. правительство располагало лишь нестройной системой приказов с характерным для них отсутствием последовательного размежевания функций и компетенций, параллелизмом и чересполосицей в круге их ведомств.

Полки нового строя — костяк русского войска — также не имели единого руководства. Когда зимой 1699—1700 гг. правительство, готовясь к войне, предприняло формирование 60—80 новых полков³ (фактически было набрано 28 пехотных и два кавалерийских полка), отставание управления армии от ее количественного роста стало особенно заметным.

Кроме того, в отличие от войск нового строя XVII в., в значительной степени находившихся на самообеспечении (особенно это относилось к рейтарской и копейной коннице), петровская армия вскоре начала строиться на принципе полного казенного содержания, приобрести, таким образом, одно из главных условий регулярного войска. Это предопределило образование специальных органов по управлению кадрами нового войска и их интендантскому обеспечению. Такими явились два ведомства, созданные 18 февраля 1700 г.: Провиантский приказ⁴ и особый, пер-

вое время безымянный приказ во главе с генерал-комиссаром князем Я. Ф. Долгоруким. Приказ при генерал-комиссаре был образован для управления категорией ратных людей «сухова пути», которые до этого ведались объединенным в одно учреждение Иноземским и Рейтарским приказами, т. е. кадрами пехотных и кавалерийских полков нового строя. Летом 1701 г. его назвали Приказом военных дел⁵. Чаще его именовали Военным (а позже и Воинским) приказом. Военный приказ сыграл важнейшую роль в организации русской регулярной армии в первый период Северной войны, занимаясь ее комплектованием, формированием новых частей и маршевых команд, управлением офицерским корпусом, борьбой с дезертирством и т. д.⁶ Здесь же сосредоточились вопросы комиссариатского обеспечения регулярной армии.

Настоящая статья имеет целью осветить именно комиссариатские функции Военного приказа. Это целый комплекс вопросов, связанных с источниками финансирования русской регулярной армии, порядком ее обеспечения денежным довольствием, деятельностью комиссариатских органов Военного приказа и комиссариатских чиновников, изменением количества войск, находившихся на содержании Военного приказа, образованием органов по централизованному изготовлению обмундирования и амуниции и т. д.

* * *

В XVII в. Иноземский и Рейтарский приказы финансировали ведавшие ими войска нового строя за счет денежных поступлений из других учреждений. При образовании ведомства генерал-комиссара этот порядок был сохранен. Только место нескольких приказов-кредиторов заняла созданная в 1699 г. Ратуша. Одновременно Ратуша финансировала и другие приказы, также управлявшие некоторыми воинскими частями нового строя.

В 1701 г. Военный приказ содержал 30 солдатских полков (из них два старых «выборных», существовавших еще в XVII в.) и два сформированных в 1700 г. драгунских полка. Деньги для них доставлялись из Ратуши в Военный приказ, а отсюда отправлялись в войска на жалованье личному составу и на покупку «полковых припасов».

В 1702 г. из Золотой палаты в Военный приказ были переданы сформированные там из бывших рейтар и копейщиков 13 драгунских полков и одновременно «драгунский сбор» на их содержание.

Сбор денег на содержание драгунской кавалерии был установлен 1 января 1701 г. в следующем размере: с дворцовых, монастырских, патриарших, архиерейских и ясачных крестьян — по 8 алтын 2 деньги с двора, с помещичьих крестьян — по 6 алтын 4 деньги с двора, с посадских и дворовых крестьян — каждая «десятая деньга» по окладу 1695 г. В 1703 г. оклад с помещичьих крестьян был поднят до уровня оклада дворцовых крестьян⁷.

⁵ ПСЗ, т. IV, № 1766, 1859, стр. 14—15, 170. Поскольку ведомству генерал-комиссара при его образовании не было дано никакого официального названия, в переписке до лета 1701 г. продолжали употреблять старые наименования — Иноземский и Рейтарский приказы.

⁶ Вопросы, связанные с деятельностью Военного приказа в области комплектования регулярной армии и управления ее личным составом рассматриваются в другой моей статье: «Военный приказ (к истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в.)» в книге «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения», стр. 228—245.

⁷ ЦГВИА, Главная военная канцелярия (ГВК), св. 15, д. 8, л. 9 об.

² Д. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. (очерки), М., 1958, стр. 51.
³ М. Д. Рабинович. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования русской регулярной армии в начале XVIII в. М., 1953, стр. 141 (рукопись кандидатской диссертации).

⁴ ПСЗ, т. IV, № 1764, стр. 13—14.

Так сложилась двойственная система финансирования войск, находившихся в ведении Военного приказа: часть из них (пехота и два драгунских полка) снабжалась на ратушские средства, а другая часть (все остальные драгунские полки) — на деньги, собиравшиеся самим Военным приказом.

В марте 1703 г. именованным указом Ближней канцелярии был установлен порядок, при котором ориентировочная сумма предстоящих выплат должна была определяться Ратушей заранее на основании копий расходных ведомостей, присланных из Военного и других приказов⁸. С 1703—1704 гг. Ратуша по нарядам Военного приказа стала пересылать деньги, минуя последний, непосредственно в полки⁹. Новый порядок укрепился на ряд лет: «Ныне,— подтверждал фактически возглавлявший Военный приказ боярин Т. Н. Стрешнев в своем докладе царю в марте 1707 г.,— дача в полки и на Москве дается из Ратуши, а в Военный [приказ] не присылается»¹⁰.

Драгунский сбор предназначался исключительно на содержание драгунской кавалерии¹¹. Приходо-расходные статьи этого сбора учитывались в Военном приказе отдельно от других финансовых операций, и по ним приказ отчитывался перед Ближней канцелярией отдельной ведомостью.

Как и всякие налоговые операции, сбор драгунских денег проходил под нажимом. Непосредственно им ведала местная воеводская администрация. Лицо, уплатившее налог, получало квитанцию — отпис¹². Но местные власти не всегда оказывались способными собрать положенную сумму, и тогда из Военного приказа посылались в уезды и города офицеры и стольники с предписанием собрать и доправить «те деньги сполна, чтобы в даче... жалованья драгунских полков ратным людям оскудения... не было»¹³.

«Драгунские деньги,— отмечает Т. Н. Стрешнев,— посылаем в армюю без остановки»¹⁴, т. е. тотчас по получении их в Военном приказе.

Фискальные функции обременяли Военный приказ, и с 1 января 1706 г. было решено драгунский сбор вести и деньги собирать в трех других центральных учреждениях: Монастырском приказе, Ратуше и Дворцовой канцелярии, откуда пересылать их «на указанные сроки» в Военный приказ. При этом списки с окладных книг и все материалы о недоимках было предложено передать этим трем учреждениям. Подлинники книги для контроля оставались в Военном приказе. Приблизительно в то же время к сбору драгунских денег были привлечены на тех же основаниях Ижерская (Ингерманландская) канцелярия и Сибирский приказ¹⁵.

Несмотря на принятые решения, Военный приказ не устранился полностью от сбора драгунских денег. В последующие годы командированные из Военного приказа стольники вносили с населения драгунские

⁸ ЦГАДА, Малороссийский приказ, 1700 г., д. 1, лл. 108—110.

⁹ «Письма и бумаги имп. Петра Великого», т. V, № 1609, стр. 110 (далее — ПИБ).

¹⁰ Там же, т. III, № 846, стр. 370.

¹¹ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 62, лл. 178—178 об., 259.

¹² «Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца», т. I, подг. к изданию Н. П. Загоскин, Казань, 1882, стр. 122.

¹³ ЦГВИА, ГВК, св. 2а, д. 10а, л. 1—1 об.

¹⁴ ПИБ, т. V, № 1609, стр. 109.

¹⁵ ЦГВИА, ГВК, св. 15, д. 8, лл. 9 об., 13—13 об.; ЦГАДА, Монастырский приказ, д. 1443, л. 1—1 об.; Оружейная палата, оп. 39, д. 150, л. 157—157 об.; д. 162, л. 139 об.

деньги в разных уездах¹⁶. Только в ноябре 1709 г. правительство сняло недоимки по драгунским сборам за 1701—1706 гг.: «а велено взимать доимку за 2 года — на 707-й и на 708-й годы». В 1710 году драгунский сбор был передан во вновь образованные губернии¹⁷.

Таковы два основных источника денежного снабжения войск, находившихся в ведении Военного приказа. В отдельных случаях имели место поступления денег и из других приказов, например Разрядного, который, помимо прямых выплат, еще и обменивал русские деньги на «ефимки и тарели, и польского дела чехи». Иностранная монета была необходима для выплаты жалованья полкам перед их выступлением в заграничный поход¹⁸.

Отпускали деньги Военному приказу и Поместный приказ, и Большая казна¹⁹, и эпизодически другие учреждения.

Собственные же доходы Военного приказа были весьма незначительны. Они предназначались главным образом на содержание приказного персонала и на текущие приказные расходы и складывались из оброчных денег со стрельцких, драгунских и казачьих пустых примерных земель и сенных покосов, острожков, мельниц; сюда входили также и судебные пошлины²⁰.

В 1704 г. произошла повсеместная концентрация оброчных сборов в Ингерманландском ведомстве. Военный приказ передал все оброчные сборы в Ингерманландскую канцелярию медового и мельничного сбора. Последняя, однако, ежегодно выплачивала соответствующую сумму денег Военному приказу в качестве его окладного дохода²¹.

Состав войск, находившихся в финансовой системе Военного приказа, не был постоянным.

В 1701 г. Ратуша по требованиям Военного приказа выплачивала денежное содержание на два драгунских, два старых солдатских выборных, 27 солдатских новоприборных полков и один полк, находившийся в Белгороде. Затем к ним прибавился пехотный полк в Каменном Затоне. На следующий год к этому числу было прибавлено четыре полка, расположенных в Севске. Они предназначались к отправке в Саксонию на помощь польскому королю Августу II.

В феврале 1703 г. Т. Н. Стрешнев объявил на заседании Ближней канцелярии распоряжение Петра I о дополнительном формировании пехотных полков с тем, чтобы общее число полков, положенных на Ратушу, достигло 40. Дополнительные пять полков тогда не были сформированы, но Ратуша все равно ежегодно отпускала на 40 полков 581 832 рубля (по 14 545 руб. на полк).

В течение 1703—1706 гг. в составе полков, положенных на Ратушу, произошли существенные изменения. Четыре полка были отправлены в Саксонию, и к ним было добавлено еще три полка из генеральства Н. И. Репнина. Образовавшийся таким образом в составе семи полков «Саксонский вспомогательный корпус» вследствие предательства Августа II был разбит. В 1706 г. в Россию прибыл комиссар И. В. Волжин, доложивший Т. Н. Стрешневу, что личный состав корпуса почти целиком

¹⁶ ЦГАДА, Каширская приказная изба, д. 72, лл. 11 об.—12 (1706 г.); Переяславль-Залесская приказная изба, д. 3, лл. 62 об.—63 (1708 г.).

¹⁷ ЦГВИА, ГВК, св. 15, д. 8, лл. 9 об.—10.

¹⁸ ЦГАДА, Разрядный приказ, Книги Денежного стола, д. 41, лл. 61—61 об.,

¹⁹ 93 об.

²⁰ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 16, лл. 227—228.

²¹ Там же, д. 15, л. 4—4 об.

²² ЦГАДА, Разряд XX, д. 11, лл. 110—111.

погиб: «Ныне (на 1 мая 1706 г.—В. А.), в Саксонии в разных местах... офицеров и солдат... налицо только 1655 человек».

Следовательно, из 40 штатных полков семь единиц выбыло. Кроме того, пять полков все еще не были помещены на подготовленное еще три года назад место.

Летом 1706 г. на место отсутствующих 12 полков были помещены гарнизонные полки, расположенные в Петербурге и Нарве. Таким образом, оклад 1703 г. был выдержан²².

Помимо этого основного оклада Военного приказа ему из Ратуши переводились денежные суммы на содержание полков, переданных из других ведомств. Это были пять «низовых» полков, переведенных из Казанского приказа (их переформировали в четыре полка) и три полка из Новгородского приказа (два бывших псковских стрелецких и один сборный «из псковских пригородов»). Кроме того, из Новгородского приказа сюда был передан полк Бордовика, находившийся с 1702 г. в Архангельске. Деньги на содержание этих полков также поступали из Ратуши, но в особом порядке.

После передачи этих полков в финансовую систему Военного приказа сюда были дополнительно включены с «новоприборным» окладом вновь сформированные из «низовых» (жителей Поволжья) и «украинцев» и также содержавшиеся на ратушские расходы два драгунских и два солдатских полка с половинным окладом содержания «для того, что им быть в Полоцку».

Итак, в 1706 г. Военный приказ на средства Ратуши содержал 47 пехотных и четыре драгунских полка. Общий оклад Военного приказа составлял в это время 856 870 руб. В 1706 г. в русской пехоте было еще три полка, источники содержания которых не были установлены сразу. Только 19 августа 1706 г. Петр I при докладе Т. Н. Стрешнева указал эти полки «разложить» на Разрядный и Малороссийский приказы и на доходы из Казани²³.

Проследим теперь, в связи с вопросом о содержании войск Военным приказом, динамику роста драгунских кавалерийских полков.

Первые два драгунских полка, набранные в 1700 г., как уже отмечалось, были на содержании Ратуши и порядком финансирования не отличались от пехотных полков. В 1702—1703 гг. на бюджет и содержание Военного приказа были переданы 13 полков, сформированных в Золотой палате. В 1704 г. к ним присоединился так называемый «Ингерманландский полк», набранный в Разрядном приказе, а затем драгунский полк смоленского набора 1705 г. Так собралась группа из 15 кавалерийских полков, содержавшаяся на драгунские сборы Военного приказа. Однако этих средств не хватало для растущей регулярной конницы. Поэтому уже в 1706 г. на содержании Ингерманландского ведомства находилось еще три драгунских полка.

Всего создано несколько групп кавалерийских полков с разными источниками снабжения: два полка содержались Ратушей, 15 — Военным приказом, три — Ингерманландским ведомством. Но в это время существовал еще драгунский «низовой» полк Владимира Шереметева и два драгунских выборных «шквдрона»²⁴ — Б. П. Шереметева и

А. Д. Меншикова. Оба шквдрона были сформированы в 1703 и 1705—1706 гг., а низовой драгунский полк — во время «Низового» похода фельдмаршала Б. П. Шереметева против восставших астраханцев в 1706 г. Низовой полк и шквдроны составили четвертую группу драгунских частей и не имели никакого определенного источника финансирования²⁵.

К 1706 г. относится еще ряд драгунских формирований. В Разрядном приказе было набрано два полка, в Военном, Монастырском и Поместном приказах — по одному, два полка собрал драгунский полковник Г. И. Волконский и один — П. М. Апраксин. Всего, таким образом, «новоприбылых» полков в 1706 г. было восемь.

На 20 полков (трех первых групп) ежегодно требовалось 300 тыс. кормовых денег (по 15 тыс. руб. на полк), а с окладом восьми «новоприбылых» полков эта сумма составила 420 тыс. руб. Вне оклада оставались Низовой полк и два шквдрона, поскольку ни Военный приказ, ни Комиссариат не знали, из каких источников черпать средства на их содержание.

В августе 1706 г. Петр I дал следующее указание: два «новоприбылых» полка, набранных в 1706 г. в Разрядном приказе, и шквдрон А. Д. Меншикова поставить на содержание Ингерманландского ведомства (фактически они остались на содержании Разрядного приказа). За Поместным и Монастырским приказами закрепить «новоприбылые» полки, набранные ими, а полк П. М. Апраксина и полк, набранный Т. Н. Стрешневым в Военном приказе, «положить» на Ратушу (в прибавку к прежним двум). Что касается полков, набранных Г. И. Волконским, то один из них распоряжением царя должен был содержаться на сборы с церковников и подьячих, а другой (Ф. Фастмана) — получать деньги «из приказов, где казна сыщется»²⁶ (также как и шквдрон Б. П. Шереметева). Петр I не смог найти удовлетворительного решения относительно Низового полка В. Шереметева, и, по-видимому, он был расформирован. Оклад Военного приказа оставался без изменений, он по-прежнему был рассчитан на 15 драгунских полков²⁷, а всего в русской армии в конце 1706 г. было 28 драгунских полков.

Итак, в 1706 г. в Военный приказ были собраны бюджеты на содержание солдатской пехоты действующей армии и почти половины драгунской кавалерии. Это явилось серьезным достижением русской военной администрации и содействовало укреплению регулярных войск.

Однако значительное число полков финансировалось другими учреждениями, в результате чего дезорганизация и путаница в деле обеспечения окончательно изжиты не были. Военный приказ пытался преодолеть эти недостатки путем координации финансовых усилий ряда учреждений, но в условиях существования приказной системы управления со всеми присущими ей органическими пороками исправить положение было невозможно.

Назревала необходимость перестройки административного аппарата. Правительство начало с ломки местных учреждений. Еще в 1702—1703 гг. в тыловых районах северо-западного театра войны (Ингерман-

²⁵ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 8, ч. 2, лл. 2—4.

²⁶ В марте 1707 г. было подсчитано, что за предыдущий год, в результате увольнения фельдмаршала Огильвия с русской службы, смерти и отставки ряда офицеров, создавалась экономия в размере полного годового оклада одного полка. Это позволило взять на ратушское содержание полк Ф. Фастмана (там же, св. 6, д. 8, ч. 5, лл. 3—6).

²⁷ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 8, ч. 2, лл. 5—7.

²² ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 8, ч. 3, лл. 2 об.—6. Ср. «Тетради записные, всяким письмам и делам, кому что приказано и в котором числе от е. и. в. Петра Великого 1704, 1705 и 1706 годов», СПб., 1744, стр. 185—188.

²³ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 8, ч. 3, лл. 6—7 об.; «Тетради записные», стр. 187.

²⁴ «Выборные шквдроны» были равноценны усиленным драгунским полкам и являлись личной охраной военачальников.

ландия) начало складываться военно-территориальное образование нового типа. В 1706 г. это была уже «губерния» А. Д. Меншикова, содержащая ряд приписанных к ней полков. По образцу Ингерманландской губернии и было реорганизовано местное управление по всей стране.

Губернская реформа была объявлена в конце 1708 г.; в жизнь претворялась она в течение нескольких лет. В области военного дела ее основное значение заключалось в том, что войска были переданы на содержание вновь образованных крупных административно-территориальных единиц — губерний, где концентрировались все доходы и расходы. К каждой губернии правительство намеревалось «приписать» определенные полки и установить между ними прямую постоянную связь, оставив за центральным военным органом лишь организационные и контрольные функции.

Однако на первых порах, в период складывания губернского управления, оно ограничилось лишь необходимыми мерами, вытекавшими из того обстоятельства, что с образованием губерний Ратуша, финансировавшая пехоту, и Военный приказ, взимавший драгунский сбор, лишились значительной части своих доходов. Поэтому в 1710—1711 гг. войска получали жалование из Военного приказа, куда средства поступали из губернских касс²⁸.

В феврале 1710 г. Ближняя канцелярия утвердила состав войск, находившихся на бюджете Военного приказа. Здесь было 28 драгунских полков, выборная драгунская рота («что была у Бориса Петровича Шереметева») и 34 пехотных полка (не считая учебного полка А. Кривоцовского в Москве), из которых было три гренадерских, три «инфантерных» во Пскове (на неполном содержании) и два гвардейских полка²⁹, остальные 27 — просто пехотные.

В то же время ряд полков продолжал находиться на снабжении Ингерманландской (Петербургской) губернии.

Правительство нащупывало пути освобождения Военного приказа от функций финансирования войск и в первую очередь намеревалось взять у него девять полков, распорядившись передать их «дачи» некоторым из новых губерний (Ингерманландской, Киевской, Смоленской и Казанской)³⁰.

Весь 1710 год прошел в попытках наладить новый порядок финансирования войск, но полков было больше, чем их могли обеспечить губернские доходы. Передать девять полков на непосредственное губернское обеспечение в этом году не удалось, и в начале следующего года часть из них все еще была на содержании Военного приказа, общий расход которого (жалование войскам, генералитету, комиссариатским чиновникам и т. д. составил 1 248 600 руб., несмотря на то, что в этот период Военный приказ освободился от выплат отставным и сверхштатным офицерам и русским пленным в Швеции («та их дача приписана к Московской губернии»)³¹.

Летом 1710 г. правительство вынуждено было снять с Военного приказа целый ряд полков и распределить их по другим ведомствам.

В начале 1711 г. Военный приказ финансировал 30 пехотных полков (из них два гвардейских) и только 17 драгунских полков.

²⁸ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 8, ч. 6, лл. 17—23.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, лл. 28—28 об.

³¹ Там же, лл. 17—28 об.

Полки остальной полевой армии и Ингерманландской группы полков в это время распределялись следующим образом³²:

	Пехота	Кавалерия
Приказ Большой казны	1 полк	1 полк
Приказ земских дел	1 »	—
Ратуша	1 »	5 полков
Поместный приказ	1 »	2 полка + лейб-регімент
Разрядный приказ	—	2 полка
На средства, собираемые в Казани . . .	1 »	1 полк
На средства, собираемые с церковников	»	2 полка
Монастырский приказ	»	1 полк
Сибирский приказ	»	»
Неизвестное место	»	»
Ингерманландское ведомство	18 полков	1 полк + генеральный шквдрон
Итого вместе с Военным приказом	52 полка	33 полка, лейб-регімент и генеральный шквдрон

Табель не учитывал гарнизонные и гренадерские полки.

На очереди стояло окончательное освобождение центрального военного аппарата от функций материального снабжения армии. 7 февраля 1711 г. консилия министров в Ближней канцелярии приняла решение о распределении полков по губерниям, исходя из количества населения в последних (точнее — из числа дворов).

Была составлена новая смета, рассчитанная на 33 драгунских и 42 солдатских (из них два гвардейских) полка. Но последних имелось налицо 52, не считая неучтенных кабинетным табелем семи гренадерских полков. В результате 17 лишних солдатских полков, уже распорядившись по губерниям, были расформированы³³.

Так было осуществлено освобождение Военного приказа от непосредственного финансирования русской регулярной армии.

На каких же основаниях Военный приказ выплачивал жалование войскам?

Полное окладное жалование генералам и офицерам, согласно боярскому приговору от 21 января 1701 г., выплачивалось только «с того дня, как они... пойдут в поход» и до момента возвращения войск обратно. За время пребывания на квартирах в прифронтовой зоне жало-

³² ПСЗ, т. IV, № 8319, стр. 618—621; ЦГВИА, Кабинетские дела, оп. 1/119, св. 26, д. 1, лл. 37—39.

³³ «Доклады и приговоры правительствующего Сената», т. II, ч. I, стр. 156 (далее — ДиПр).

занье командному составу выплачивалось лишь в половинном размере. Находясь вне службы (в Москве, в своих поместьях и т. д.), они вообще не получали жалованья³⁴. Жалованье, разъянялось в другом документе, «дают им во время служб — больших походов, а без служб — не дают»³⁵. Следовательно, «походом» и «службой» считалось участие в боевых действиях.

Такой порядок выплаты жалованья был подтвержден Ближней канцелярией в апреле 1703 г.³⁶

Находясь на службе в тылу, в служебных командировках, выполняя обязанности наборщиков даточных и рекрут, офицеры получали треть оклада. Столько же получали отставные начальные люди³⁷. В апреле 1708 г. командный состав, посланный с полковником Е. Гулицом на подавление восстания К. Булавина на Дон, получил при отправлении полка из Москвы на текущий год третнее жалованье сполна. Офицеры били челом, чтобы им на марше дополнительно давать жалованье из расчета половинного оклада, а «в военном походе — полное», как и другим полкам³⁸. Группе офицеров из Саксонского корпуса после возвращения в Россию «окладная дача» была выдана таким образом: за те дни, что они находились в пути из Саксонии до русских порубежных городов, им заплатили из расчета половины оклада, а за время следования от границы до Москвы — из расчета третьей части оклада (1707 г.)³⁹.

Общим принципом были вычеты из офицерских окладов денег за поместья: за каждый крестьянский двор вычиталась определенная часть жалованья. Нормы вычетов варьировались в зависимости от чина и категории офицера. Вот как, например, производился расчет для вычета у полковников-новокрещенов: «берут скаски за руками и подкреплением — сколько за кем крестьянских и бобыльских, и задворных дворов, и у тех полковников из годовой дачи вычитают по рублю по двадцати по одному алтыну по четыре деньги за двор на год». Нормы вычетов у офицеров разных чинов и категорий были разные (у русских поручиков вычитали, например, ежемесячно по 6 алтын 4 деньги за двор)⁴⁰.

В ноябре 1703 г. для начальных людей, владевших менее чем 20 дворами, было сделано облегчение: в походное время жалованье, называвшееся иногда «кормовыми деньгами», эти офицеры должны были получать без указанных вычетов⁴¹.

Были богатые русские офицеры, служившие вообще без жалованья. Зато беспоместные начальные люди получали денежные оклады и «без служб»⁴².

Наконец, офицеры-иноземцы получали больший оклад, чем равные им по должности и званию русские офицеры⁴³. Двойственность окладов наблюдалась и в среде русских офицеров. В драгунских полках в нача-

ле войны жалованье зависело от принадлежности к разным слоям дворянства: капитаны из высшего слоя (людей «московских чинов») получали в год 100 руб., а из «городовых дворян» — 50 руб., поручики — соответственно по 80 и 40 руб.

Жалованье рядового выборных полков в конце XVII в. составляло 11 руб. в год. В таком же размере было объявлено солдатское жалованье при наборах осенью 1699 г. и при наборах в Золотой палате⁴⁴.

Однако эти суммы не были устойчивыми: правительство при любой возможности пыталось уменьшить выплаты. Так, например, драгунам, направленным на пехотную службу в Таганрог, выплачивали 9 руб. в год, а оставшимся «за полками» (т. е. вне формирования) — 5 руб.⁴⁵

Иногда часть солдатского жалованья выплачивалась натурой. В 1702 г. «новонабранным» солдатам в Смоленске было установлено жалованье 5 руб. в год и, кроме того, ежемесячно по полуосьмине хлеба (из запасов местного провиантмейстера)⁴⁶.

С 1711 г. рядовой драгун стал получать 12 руб., а солдат — 10 р. 80 к.⁴⁷ Из этого весьма скромного жалованья производились значительные вычеты на мундир и амуницию, а также удерживалось по 4 алтына за медикаменты.

В 1711 г. Военный приказ должен был уплатить за лекарства для кавалерии и пехоты Аптекарскому приказу 14 523 руб. (в эту сумму не вошла оплата медикаментов Преображенского и Семеновского полков)⁴⁸.

Помимо выдачи жалованья личному составу регулярных полков, Военный приказ выдавал жалованье целому ряду категорий военслужящих, не состоявших в полковых штатах (а также их семьям): рейтарам, полевым артиллеристам⁴⁹, «заполочным» офицерам и генералам, отставным, беспоместным городovým солдатам, солдатам, «которые на Воронеже для обережи морского флота», караульным солдатам у шведских пленных. Кроме того, Военный приказ регулярно выплачивал семьям пленных и убитых ратных людей деньги, отпускал деньги «на поминовение убитых и умерших солдат»⁵⁰.

Из справки Военного приказа 1711 г. явствует, что пенсии вдовам ратных людей были установлены в размере десятой части трети жалованья мужа при условии, что у вдовы не было поместья, в противном случае пенсия вообще не назначалась. В отношении малолетних детей — круглых сирот действовал иной порядок: детям полковников выдавалось на пропитание 4 рубля в год, подполковников и ротмистров — 2 рубля 13 алтын, майоров — 2 руб., капитанов, поручиков и прапорщиков — 1 рубль 26 алтын 4 деньги⁵¹.

Из Военного приказа выдавались также наградные деньги за участие в сражениях. Здесь повышали оклады в соответствии с новыми

³⁴ ЦГАДА, Поместный приказ, Столбцы Генерального двора, д. 18664, л. 234.

³⁵ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. А. Виноградова, д. 1030, л. 20 об.

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 412, д. 29, л. 2.

³⁷ ПСЗ, т. IV, № 2819, стр. 593, 595.

³⁸ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 4, л. 16—16 об.

³⁹ ЦГАДА, Разрядный приказ, Новгородский стол, ст. 250, ч. 1, лл. 228—234; там же, Московский стол, ст. 795, ч. 1, лл. 12—13; там же, оп. 22, д. 12462, л. 1—1 об.; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 36, л. 67; там же, оп. 412, д. 22, лл. 4—5; д. 23, л. 2.

⁴⁰ ЦГАДА, Разрядный приказ, оп. 73, л. 156—156 об.; Оружейная палата, оп. 39, д. 102, лл. 156—159; д. 15, л. 36 об.; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 42535, лл. 125—140; оп. 412, д. 23, л. 8—8 об.

⁴¹ ЦГВИА, ГВК, св. 15, д. 8, л. 19.

³⁴ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 52, л. 604.

³⁵ ЦГАДА, Поместный приказ, Столбцы Генерального двора, д. 18662, л. 16 (1700 г.).

³⁶ ЦГАДА, Малороссийские дела, 1700 г., д. 1, л. 108.

³⁷ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 52, лл. 589—592.

³⁸ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 8, ч. 5, л. 28—28 об.

³⁹ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 162, л. 140.

⁴⁰ ЦГАДА, Поместный приказ, Столбцы Генерального двора, д. 18664, л. 4; д. 18662, л. 16.

⁴¹ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 52, л. 556.

⁴² ЦГАДА, Поместный приказ, Столбцы Генерального двора, д. 18662, л. 10.

⁴³ Там же, л. 556.

чинами. Военный приказ вел учет сумм, выплачиваемых иностранцами, завербованным на русскую службу.

Значительные суммы передавались приказом на содержание русских пленных в Швеции и на поддержание их семей в России. Одновременно уполномоченные Военного приказа получали в Стокгольме из королевской казны деньги для раздачи их шведским пленным в России⁵².

В январе 1703 г. были определены следующие размеры «поденного корма» военнопленных офицеров: подполковникам, майорам и провиантмейстерам — 9 денег на день, капитанам и поручикам — 5, всем прочим — 3, их слугам — 2. Жены офицеров, находившиеся в России, получали половину оклада мужей, так же как и их дети страше 10 лет, а моложе — по 4 деньги в день⁵³.

Переписка Военного приказа с войсками не сохранилась, но материалы Оружейной палаты и других центральных органов управления позволяют сделать вывод, что Приказ военных дел занимался материально-техническим снабжением полков нового строя в незначительной мере.

Запасы оружия, амуниции и других «полковых припасов», имевшиеся в Военном приказе, были израсходованы в течение первых месяцев войны и больше уже не пополнялись. Быстро растущая регулярная армия требовала большого количества оружия, боеприпасов, амуниции, инженерного имущества и т. д. Вследствие раздробленности и многоведомственности центрального управленческого аппарата снабжение армии проводилось одновременно рядом приказов. Правда, боеприпасы поставлялись почти исключительно одним Приказом артиллерии, но все другие виды материально-технического снабжения доставлялись войскам из Оружейной палаты, Ратуши и других приказов в зависимости от того, какое ведомство имело нужные денежные средства⁵⁴. Роль Военного приказа в этом деле сводилась к приему требований от войск на поставку разного рода предметов материально-технического снабжения и пересылки их в другие ведомства для исполнения. В августе 1703 г. Военный приказ требовал от Оружейной палаты «ружьё и полковые всякие припасы, по указам из Приказа военных дел, в полки отпускать без всякого отлагательства, немедленно, чтобы ратным людям, будучи на службе и в походах, в ружье и припасах оскудения не было...»⁵⁵.

Оружейная палата и другие приказы-поставщики сами отгружали готовые припасы в войска. Лишь изредка они доставляли предметы снаряжения Военному приказу. Так было, когда формировались новые части и то, по-видимому, далеко не всегда. В материалах Оружейной палаты зарегистрировано несколько таких случаев. Например, в 1700 г. из Оружейной палаты в Военный приказ прислано было 3152 фузен, столько же патронных сум и шпаг (на общую сумму 5610 руб.) для вооружения новоприборных солдат⁵⁶. Аналогичный случай наблюдался в январе 1706 г., когда 1140 карабинов, ядрунок и шпаг были доставлены сюда из Оружейной палаты для рекрутов⁵⁷. В 1705 г. иноземец

⁵² ЦГВИА, ГВК, св. 2, д. 10, лл. 1—5; св. 2, д. 10, ч. 4, л. 1—1 об.; св. 2, д. 10, ч. 6, л. 1 и др.; ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 52, лл. 595—601 об.

⁵³ ЦГАДА, Разрядный приказ, оп. 14, д. 73, л. 202—202 об.

⁵⁴ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 16, лл. 142 об.—148.

⁵⁵ ЦГАДА, Письма разных лиц на русском яз., 1703 г., д. 8, л. 83.

⁵⁶ Там же, 1700 г., д. 3, л. 37; ЦГАДА, Приказные дела новых лет, 1706 г., л. 7; Оружейная палата, оп. А. Викторова, д. 1071, лл. 46—48.

⁵⁷ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. А. Викторова, кн. 1071, лл. 46—48.

Ив. Страшнин поставил в Военный приказ «для низового похода» в отпуск к Б. П. Шереметеву седла, пистолетные ольстры (кобуры), переметные сумы и т. д.

Поставки Оружейной палатой оплачивались в основном из ее собственных средств. Лишь изредка Военный приказ передавал сравнительно небольшие суммы за поставку оружия (в 1705 и 1707 гг. они составили соответственно 4592 и 1798 руб.)⁵⁸.

Поскольку Военный приказ не имел собственных средств для оплаты предметов снаряжения и, как правило, не оплачивал их, приказы-поставщики затягивали исполнение заказов, а то и вовсе уклонялись от их выполнения. Положение ухудшалось тем, что в первые годы Северной войны снабжение войск вещевым довольствием никем не планировалось, да и не могло планироваться, поскольку не было плана комплектования и формирования войск. Сначала не было даже выработано норм положенного на полк имущества, вследствие чего всякая заявка, делавшаяся соответствующими начальниками, ставила Военный приказ в тупик, так как не были предусмотрены источники поступления средств на ее выполнение.

Характерный случай, относящийся к 1703 г., зафиксирован в материалах Ближней канцелярии. В сентябре фельдмаршал Б. П. Шереметев затребовал у Военного приказа 286 палаток. Последний решил, что поставить палатки должна Ратуша, и направил в ее адрес соответствующую бумагу. Ратушские бурмистры оценили стоимость палаток в 700 руб., передали изготовление их подрядчикам, но в свою очередь потребовали, чтобы оплатил указанную сумму Военный приказ, потому что «на Ратушу положены разных приказов окладные указные дачи, а оприч тех окладных дач никакие расходы денежные казны давать не велено». Но Военный приказ единственный свой доход — драгунские сборы — обязан был расходовать исключительно на выплату жалованья кавалерии («а на полковые припасы деньги откуда иметь — о том указу не учинено»). Дело перешло на рассмотрение Ближней канцелярии, и только в конце года был, наконец, определен источник получения указанных 700 руб. — Преображенский приказ, где случайно нашлась искомая сумма⁵⁹.

Значительный урон в конском составе, который постоянно несли драгунские полки, требовал постоянного его ремонта, т. е. пополнения.

Лошади главным образом покупались в «низовых» городах Поволжья администрацией Казанского приказа, а иногда и представителями других ведомств (в частности, и самого Военного приказа) и передавались в распоряжение Монастырского приказа, который размещал их в конюшнях монастырей или вотчинах под надзор специальных чиновников⁶⁰.

По требованиям полковых командиров драгунские лошади перегонялись в кавалерийские полки партиями голов по сто в сопровождении офицера и нескольких драгун⁶¹.

⁵⁸ Это наблюдение сделано на основе ряда книг Оружейной палаты Г. А. Богуславским, любезно предоставившим мне приведенные сведения, а также указавшим на ценные документы, касающиеся вопроса о взаимоотношениях Военного приказа с Оружейной палатой.

⁵⁹ ЦГАДА, Разряд XIX, д. 1, ч. 4, лл. 144 об.—146 об.

⁶⁰ ЦГВИА, ВУА, оп. 456, д. 22, л. 17 об.; ЦГАДА, Монастырский приказ, д. 285, лл. 1—1 об., 6 об., 7, 25, 29; д. 847, лл. 1—6; д. 975, лл. 1—5; д. 1281, лл. 1 об.—2; д. 1383, лл. 1 об.—6; Оружейная палата, оп. 39, д. 162, л. 121 об.

⁶¹ ЦГВИА, Кабинетские дела, св. 6, д. 1/4, л. 13 об.

Кроме покупок, правительство практиковало и сборы лошадей у населения. Они проводились либо одновременно с набором даточных людей в драгуны, и тогда в этом участвовал Военный приказ, либо в качестве самостоятельного мероприятия, и тогда организовывались другими ведомствами.

Военный приказ собирал даточных на конях в 1705, 1706, 1707 гг., при формировании московского гарнизона в 1708—1709 гг. В последнем случае было приказано лошадей приводить на осмотр в Военный приказ, где их записывали в особые ведомости, клеймили, а затем передавали на время прежним хозяевам с предписанием содержать их в Москве или ближних деревнях (не далее 100 верст), с условием по первой команде в недельный срок привести их в гарнизон⁶².

К мероприятиям второго рода относился сбор лошадей с помещичьих крестьян в 1705 г., объявленный Разрядным приказом. В 1707 г. по распоряжению Петра I брали лошадей в уездах, подчиненных Посольскому, Смоленскому и Малороссийскому приказам («были б те лошади добрые, в драгунскую службу годные, а ценою ниже десяти рублей отнюдь не были»). Тогда же по распоряжению А. Д. Меншикова Монастырский приказ начал брать коней у церковнослужителей, причем на условии, что лошадь не должна быть дешевле 12 руб. по рыночной цене и не старше 10 лет. Собрать хороших кавалерийских лошадей на этот раз не удалось, и Монастырский приказ заменил этот сбор денежным налогом — по 15 руб. за непоставленную лошадь. В 1707—1709 гг. было собрано 63 330 руб.⁶³

Деньги на драгунские седла собирал с крестьянских дворов (по 2 алтына 2 деньги) Московский судный приказ⁶⁴.

Активные военные действия обычно сокращались в зимний период, и тогда значительная часть драгунской кавалерии отводилась в прифронтовые районы, где лошадей распределяли по указаниям Военного приказа по станциям. Осенью 1703 г. такие станции были учреждены в Торопце, Великих Луках, Ржеве Володимировой, Хотме, Старой Русе, в Пусторжевском уезде и псковских «пригородах». Здесь были поставлены лошади одиннадцати, т. е. почти всех драгунских полков. Станции состояли из определенного числа крестьянских дворов («на три, а по нужде и на два двора одна лошадь»), хозяева которых обязаны были содержать лошадей за свой счет.

Остальные четыре драгунских полка в это время остались на зимовку в новозавоеванных городах Ямбурге и Копорье, где не было запасов фуража. Для обеспечения зимовки и первых боевых действий ранней весной по требованию полевого командования и Военного приказа крестьяне ряда уездов были обложены натуральным пятипудовым налогом «сена доброго зеленого»⁶⁵.

* * *

Представителями Военного приказа в войсках были специальные чиновники, именовавшиеся комиссарами, которые получали, заготавливали

⁶² ПСЗ, т. IV, № 2065, 2106, стр. 313, 350, ЦГАДА, Сенат, д. 694, лл. 448—449 об.; Кабинет Петра I, отд. 1, д. 37, лл. 432 об.—433; ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 8, ч. 5, лл. 9 об.—27; св. 16а, д. 22а, лл. 1—5.

⁶³ ПСЗ, т. IV, № 2372, стр. 691—695, ЦГАДА, Каширская приказная изба, д. 117, лл. 3 об.—4; Боярские и городские книги по Посольскому приказу, кн. 15, лл. 33 об.—34.

⁶⁴ Гос. исторический музей. Отдел письм. источников, ф. 1, д. 127, л. 1 (1708 г.).

⁶⁵ ЦГАДА, Монастырский приказ, д. 637, лл. 1—3

на местах, хранили и снабжали регулярные полки предметами вещевого довольствия, организовывали выплату денежного жалования, ведали пополнением армии конским составом. Институт комиссариатских чиновников Военного приказа стал складываться с первых месяцев Северной войны.

В 1701 г. был издан указ «О даче жалования ратным людям от Комиссарских дел, которые [ратные люди] ис Приказу военных дел»⁶⁶. Полевое военно-финансовое управление («Комиссарские дела») находилось в 1701—1704 гг. в Пскове. Оно организационно оформилось в виде «Шатра военных дел»⁶⁷ (или просто «Военного шатра»). Отсюда комиссары, получив денежную казну, выезжали для раздачи жалования непосредственно в войска. Так, уже в 1701 г. с войсками находился «комиссарий» Василий Плохой⁶⁸, в том же году известны и другие комиссары: князь С. Д. Волконский, Конишев, Нащокин.

Вначале Военным шатром заведовали дьяки, а делопроизводство вели прикомандированные подьячие Военного приказа, служившие здесь по году или по два (затем их сменяли)⁶⁹.

1703 год явился новым этапом в организационном оформлении полевых комиссариатских органов. Мартовский указ 1703 г., состоявшийся в Ближней канцелярии, определил порядок выплаты денежного жалования личному составу сухопутных войск. Раздача жалования центральному аппарату и гарнизону должна была производиться ратушскими бурмистрами по спискам, представленным Военным (или другими) приказом, а в войсках бурмистры выдавали жалование по спискам, составленным комиссарами. Деньги выдавались «налицо», «с росписками» и «со всяким осмотрением». В случае надобности бурмистры сопровождали войска в походах. На них лежала вся кассовая сторона дела; организационные функции принадлежали комиссарам, они же должны были охранять казну и самих бурмистров «при раздаче»⁷⁰.

В январе 1703 г. С. Д. Волконский распоряжением Военного приказа был официально назначен начальником Военного шатра⁷¹, а в 1704 г. он был произведен в обер-комиссары⁷².

Военный шатер (с 1704 г. он иногда стал называться «Военным шатром комиссарских дел») выдавал деньги войскам, как правило, через полковых комиссаров.

Комиссары вначале не были постоянными. Когда в 1701 г. было от дано распоряжение «выбрать комиссаров»⁷³, по-видимому, имелось в виду, что комиссарские обязанности носят характер временного поручения. Только указ 17 декабря 1707 г. определил комиссарам быть в войсках «непременными»⁷⁴, что способствовало окончательной стабилизации состава комиссариатских чиновников.

Постепенно число «военных шатров», или «шатров комиссарских дел», возросло. Они образовывались в районах сосредоточения больших масс войск. В 1705 г. одновременно упоминаются «шатры комиссарских дел»

⁶⁶ ЦГВИА, ГВК, св. 1, д. 1, л. 7.

⁶⁷ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 52, л. 123; Разрядный приказ, оп. 22, вязка 46, д. 116, лл. 1—2 об.

⁶⁸ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 102, л. 345 об.

⁶⁹ ЦГВИА, ГВК, св. 1, д. 1, лл. 4, 5, 7, 13, 55 и др.; д. 12, ч. 2, лл. 12, 19; ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 102, лл. 21—22; Сенат, оп. 59, д. 454, л. 13.

⁷⁰ ЦГАДА, Малороссийские дела, 1700 г., д. 1, лл. 108—112.

⁷¹ ЦГВИА, ГВК, св. 1, д. 1, л. 60 об.

⁷² ЦГАДА, Приказные дела новых лет, 1704 г., д. 147, л. 1

⁷³ ЦГВИА, ГВК, св. 1, д. 1, л. 6.

⁷⁴ ПСЗ, т. IV, № 2181, стр. 400.

в Пскове и Смоленске. В обоих шатрах было 30 подъячих, присланных сюда из Военного и других приказов. В том же году Шатер комиссарских дел с комиссаром В. Головленковым мы встречаем «в нивомо походе»⁷⁵, т. е. в составе карательной армии, направленной на подавление астраханского восстания.

При полках были «полковые шатры», также занимавшиеся финансированием ратных людей. Недостаток фактов о деятельности полковых шатров не позволяет судить, были ли они целиком комиссариатскими органами или, что кажется более вероятным, штабными органами, только отчасти связанными с комиссариатской деятельностью. Впрочем, у нас слишком мало конкретных сведений и о функциях и об условиях работы самих шатров комиссарских дел.

С 1704 г. Военный приказ устраняется от непосредственной выплаты денежных сумм пехотным полкам, передав эту обязанность походному комиссариатскому органу. Последний получил тогда же полуофициальное название «Комиссарство» и находился в ведении обер-комиссара С. Д. Волконского⁷⁶.

Так создалась в армейском организме система комиссаров и комиссариатских органов, регулярно снабжавшая армию всеми видами интендантского довольствия, кроме провиантского. Последним занимался особый Провиантский приказ со штатом провиантмейстеров.

Система комиссариатских органов выросла из недр Военного приказа, была укомплектована его чиновниками, финансировалась и управлялась им и в первые годы целиком зависела от него.

Развитие комиссариатских органов в войсках было обусловлено постоянной необходимостью снабжать денежным и вещевым довольствием растущую регулярную армию в условиях, когда войска старых строев, находившиеся в значительной степени на самообеспечении, резко падали в своем удельном весе в составе вооруженных сил и уменьшались в абсолютных цифрах, были постоянно удалены от центральных районов страны и стало быть от центрального военного управления и налогово-финансовых учреждений.

Отсутствие в распоряжении исследователя основной части фонда Военного приказа не позволяет изучить непосредственные взаимоотношения между приказом и комиссарами; почти совершенно скрыты от него и взаимоотношения между комиссарами разных рангов. Наблюдения такого рода удается делать лишь эпизодически.

12 марта 1707 г. из Военного приказа были посланы «кормовые деньги» в Шатер комиссарских дел к обер-комиссару князю М. Вадбальскому за счет апрельской выдачи лично составу драгунских полков в Киев и в военный поход. Сумма, предназначенная за это, в размере 30 тыс. руб. была взята из сборных драгунских денег. Сопроводять деньги назначен был капитан Иван Варажсин, который и расписался в «расходной книге» у подъячего — расходчика Анисима Маслова. У него же остался и подлинный указ за приписью дьяка Военного приказа Гр. Зыкова о посылке денег⁷⁷.

И в марте 1707 г. и в последующие годы Шатер комиссарских дел находился при полевой действующей армии. В 1709 г. мы видим его в Севске, а затем в Белгороде⁷⁸, что объясняется активизацией военных действий против вторгшихся на Украину шведских войск Карла XII.

⁷⁵ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 102, лл. 336 об., 358.

⁷⁶ Пиб. т. III, № 846, стр. 370; ЦГВИА, ГВК, св. 1, д. 5, л. 3.

⁷⁷ ЦГВИА, ГВК, св. 1, д. 4, л. 11.

⁷⁸ Там же, лл. 20—21.

Начало процесса обособления комиссариатских органов от Военного приказа относится, по-видимому, к 1705 г., после того как деньги на содержание пехотных полков стали непосредственно присылаться из Ратуши. В последующие годы этот процесс углубляется, хотя «Комиссарство», как совокупность полевых комиссариатских органов, оставалось еще частью Военного приказа⁷⁹. Этот новый термин — «Комиссарство» — все чаще употребляется в деловой переписке. Получая деньги из Ратуши («к Камисарству присылается денег определенное число») ⁸⁰ на солдатские полки и из Военного приказа на драгунские полки, Комиссарство рассылало их со своими комиссарами в воинские части⁸¹.

Позднее (1711 г.) название «Комиссарство» будет зафиксировано в законодательных актах и, таким образом, получит официальное значение. В процессе развития комиссариатской системы определенными вехами являлись создание должности генерал-кригс-цальмейстера и назначение на этот пост в октябре 1707 г. П. М. Бестужева-Рюмина («который имеет на всю кавалерию денежное жалование принимать у камисаров на полное число сполна») ⁸², а также образование особых канцелярий.

В 1707 г. уже существовала (наряду с находившимся тогда же в Гродно Шатром комиссарских дел) Канцелярия комиссарских дел в Смоленске⁸³. Ограниченность сведений о ней не позволяет представить конкретные условия ее деятельности и положение, которое она занимала в кругу комиссариатских органов. Гораздо яснее вырисовывается облик комиссариатского учреждения в Петербурге (сохранились обрывки его делопроизводства), известного с 1710 г., но появившегося, вероятно, еще в период образования Ингерманландского территориального ведомства, окончательно сложившегося в 1706 г. Это ведомство состояло из учреждений двойного рода — целого ряда оброчных канцелярий, собиравших оброчные деньги со всех уездов страны, и из канцелярий, управлявших быстро разраставшейся территорией вокруг отвоєванных крепостей Ижорской земли. Первое время комиссары Военного приказа сдавали деньги на содержание войск, расположенных в этом районе, в Петербургскую приказную палату, потом — в Семеновскую (Ижорскую) походную канцелярию. С образованием Ингерманландской «губернии» с самостоятельным бюджетом, здесь возник особый орган, первоначально называвшийся «Ингерманландской губернии комиссариатские дела», а с 1711 г. — «Канцелярией комиссариатских дел». Непосредственно он финансировался Санкт-Петербургской канцелярией земских дел⁸⁴. Деньги доставлялись в печатанных бочках («в первой бочке 4000 руб.; шест и печать целовальника торопченина Степана Скорлыгина...; в четвертой бочке 2000 руб.; шест и печать целовальника углеченина Мины Водолянова» и т. д.⁸⁵). В Канцелярии комиссарских дел приход фиксировался в приходных книгах, а расход (выдача комиссарам и целовальникам для уплаты жалования полкам) — в расходных. Комиссаров сопровождали канцелярские подъячие⁸⁶. Иногда полки, финансировавшиеся Ингер-

⁷⁹ Самостоятельная переписка Военного шатра с походными органами центрального управления началась уже в первые годы его существования.

⁸⁰ Пиб. т. IX, вып. 1, № 33324, стр. 298.

⁸¹ Там же, стр. 671. И. Голиков упоминает о существовании Комиссарства в 1706 г. (см. «Деяния Петра Великого», т. II, стр. 322).

⁸² ЦГАДА, Разряд XXVI, д. 103, ч. II, л. 205.

⁸³ ЦГВИА, ГВК, св. 1а, д. 12а, лл. 3 об.—4; ВУА, оп. 456, д. 97, л. 8—8 об.

⁸⁴ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 39, д. 102, лл. 152 об.—154 об.; Разряд XXVI, д. 1, ч. 176, № 17, л. 1; ч. 177, № 45, лл. 1, 13 и др.

⁸⁵ ЦГАДА, Разряд XXVI, д. 1, ч. 177, № 44, л. 2.

⁸⁶ ЦГАДА, Разряд XXVI, д. 1, ч. 176, № 16, лл. 1—10 и сл.; № 17, лл. 1—24; ч. 177, № 41, л. 8.

манландским ведомством, удалялись от Петербурга на дальние расстояния и это вызывало серьезные неудобства: в феврале 1710 г. Б. П. Шереметев докладывал Петру I, что Каргопольский полк «жалованьем определен из Ижерской канцелярии, и для приема того жалованья посылает афицеров и салдат в Санкт-Петербурх и за дальностию пути на многие месяцы жалованья не получают...». Б. П. Шереметев ставил вопрос о целесообразности передачи выплаты жалованья этому полку армейскому комиссарству («а деньги из Ижерской канцелярии присылать к отсылке в Ратушу к армее»⁸⁷).

Возвращаясь в Петербург, комиссары сдавали «остаточные» деньги в кассу («после умерших солдат и рекрют», «после беглых и умерших солдат» и т. д.)⁸⁸.

Такого же рода, по-видимому, была и Смоленская канцелярия комиссарских дел. Известно, что 1705—1708 годы характеризовались не только созданием Ингерманландского территориального ведомства, но и укреплением местных властей в других областных центрах, в частности в Смоленске, что выражалось в развитии и обособлении от центрального аппарата системы местных финансовых и военных органов⁸⁹.

Что касается собственно армейского Комиссариата, то в 1708 г. он был еще частью Военного приказа, но можно заметить, что и сам Военный приказ смотрит на Комиссарство как на обособленную часть⁹⁰.

Обособление комиссариатских органов выражало собой процесс, направленный на преодоление одного из самых больших пороков военно-приказного управления, заключавшегося в гипертрофии централизации, в частности, оторванности руководства в данном случае от войска. Комиссариатские органы на театрах войны были вызваны самой жизнью и развивались в соответствии с насущными потребностями интендантского обеспечения регулярных войск.

Организационному обособлению Комиссарства и усилению его самостоятельности, несомненно, способствовало и то, что Военный приказ так и не стал единственным центральным органом по финансированию регулярной армии. Комиссарство вынуждено было занять некое межведомственное положение, поскольку оно непосредственно выплачивало жалованье полевым войскам независимо от того, на чьи средства они содержались. Одновременно развивались и территориальные канцелярии.

В связи с развитием комиссариатских органов в войсках в 1704 г. в Военном приказе был принят указ «о счете обер-комиссарисусов и комиссарисусов», т. е. о внутриведомственной ревизии их финансовой деятельности за период с февраля 1700 г. Тогда же в составе Военного приказа была образована организационно обособленная часть со своими подьячими и целым штатом ревизоров-«счетчиков». Эта часть называлась «Учетного дела».

В 1707 г. происходит преобразование этой части в Приказ счетного дела (Счетный приказ), «что велено считать Военной приказ и обер-

⁸⁷ ПИБ, т. X, № 3593, стр. 37.

⁸⁸ ЦГАДА, Разряд XXVI, д. 1, ч. 176, № 15, лл. 7, 8 об. и др.

⁸⁹ См. об этом П. Миллюков. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1906, стр. 260 и др.

⁹⁰ В 1708 г. подьячий Иван Савинов писал в челобитной, что в 1704—1707 гг. он был у раздачи денежной казны в Шатре комиссариатских дел. Когда в Военном приказе проверяли правильность этих сведений, то в расходной книге приказа нашли такую запись: «сидит в Приказе военных дел с августа месяца 1707-го году...» (ЦГВИА, ГВК, св. 1, д. 12, ч. 2, лл. 25—26. Ср. св. 1, д. 16, ч. 1, лл. 11 об.—12). Эта запись свидетельствует о том, что служба в Комиссарстве уже не считалась службой собственно в приказе.

камисарисуса князь Семена Волконского» (т. е. армейский комиссариат), во главе со стольником счетного дела князем Яковом Кольцовым-Мосальским, занимавшим этот пост до сентября 1711 г., когда он был смещен стольником Г. Ф. Грибоедовым.

Приказ счетных дел не был самостоятельным учреждением: работавшие в нем подьячие в 1708 г. продолжали числиться по Военному приказу с оговоркой: «У счетного дела».

На Приказ счетных дел были возложены функции контроля за состоянием текущего бюджета Военного приказа и комиссариатских органов, а также прихода и расхода прошлых лет. С этой целью в 1707 г. в приказе были заведены «перечневые выписки» о раздаче денег комиссарам, причем основанием послужили раздаточные комиссариатские книги и копии бурмистерских книг, «которые к шетному делу явили камиги и копии бурмистерских книг, «которые к шетному делу явили камисарисусы» (подлинные книги оставались у бурмистров). Бурмистерские книги показывали приход денег, а комиссарские — их расходование комиссарам.

Осенью 1707 и весной 1708 г. Счетный приказ собирал сведения о производившихся (начиная с августа 1706 г.) выдачах из разных приказов денег, мягкой рухляди и «иных всяких товаров» в Военный приказ и воинские части по нарядам Военного приказа⁹¹. Параллельно этот приказ контролировал выплаты денег, выдачу сукон и другого имущества для нужд армии.

Попутно с процессом обособления армейского комиссариата происходило образование органов централизованного снабжения войск обмундированием и амуницией. Личный состав регулярного войска носил единообразную одежду установленных образцов. Зимой 1699—1700 гг., когда специальные временные комиссии на Генеральном дворе набирали даточных, каждому помещику было вменено в обязанность снабдить своих людей суконным кафтаном, шапкой, красным курпеком (ботинками), красными сафьяновыми сапогами, строевым кушаком, серым повседневным кафтаном, чириками и чулками. Конечно, обмундирование, шитое деревенскими портными в помещичьих вотчинах, не могло не быть разношерстным и вполне не заменяло единообразной профессиональной одежды, но зато оно почти ничего не стоило казне в течение первого года службы. Но помещики не всегда выполняли это требование, поэтому Генеральный двор часто одевал даточных своими силами, взыскивая с их господ истраченные деньги вдвойне. Драгунам, при зачислении на военную службу, выдавалось в счет будущего жалованья 4 рубля, на которые они должны были приобрести себе обмундирование. «Вольницу» обмундировывали казенным иждивением⁹².

Когда набор даточных был передан в Военный приказ, здесь пошли по иному пути: с помещиков брали материал для пошивки мундира. На каждого даточного помещики сдавали одновременно по 22 аршина серого сукна и по 1,5 аршина «красного кумача». Сохранившаяся тетрадь Военного приказа с записями таких поступлений от воротыньских помещиков показывает, что сукно и кумач вносились натурой с 1703 г. и по крайней мере по февраль 1707 г.⁹³

⁹¹ ЦГАДА, Приказные дела новых лет, 1707 г., д. 13, лл. 9—10, 12—17; Городовые и боярские книги по Посольскому приказу, кн. 15, лл. 51 об.—52; Разряд XXVI, д. 103, ч. II, лл. 190—190 об.; ЦГВИА, ВУА, оп. 410, д. 98, л. 2—2 об.

⁹² А. А. Востоков. О делах Генерального двора. — «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кн. 6, М., 1888, отд. 2, стр. 20.

⁹³ ЦГАДА, Разрядный приказ, оп. 22, д. 13262, лл. 1—10.

Пошивка обмундирования была трудоемкой работой, поэтому с введением в России рекрутских наборов правительство вернулось к порядкам Генерального двора и стало требовать с помещиков, чтобы молодой солдат приносил с собой кафтан (такого качества, чтобы хватило на год) и шубу (на два года). Кроме того, помещик должен был дать рубль на приобретение шапки, рукавиц, рубахи и обуви⁹⁴.

Принимая известное участие в рекрутских наборах, Военный приказ, естественно, брал рекрутов именно с таким комплектом обмундирования, а затем распространял эту практику и на наборы даточных. При очередном наборе даточных в Военном приказе весной 1711 г. с помещиков также требовали сдавать дворовых людей с «мундиром» и полтиной денег на подводы. Требование это, видимо, не всегда выполнялось, и Военный приказ запрашивал Канцелярию Сената, принимать ли даточных без кафтаноу и денег⁹⁵.

Что же касается вещевого довольствия старослужащих солдат, то с каждым годом его обеспечение становилось все сложнее.

Первоначально в течение ряда лет командование само обмундировывало личный состав. Из центра получали или покупали в городах материал: сукно, лосиные или козлиные шкуры (из последних делали камзолы и штаны для драгун), холст и сдавали их в работу закройщикам (сукно предварительно вымачивалось), «а за работу оным портным мастерам велено давать из казны... деньги по усмотрению». Такой же порядок был и при изготовлении кожаных изделий: приобретался «кожевый» и «говяжий» товар и сдавался кожевникам на выделку седел, сапогов, ремней, портупей и т. д.⁹⁶

В условиях мелкотоварного производства самоснабжение предметами вещевого довольствия определенных, строго установленных образцов было делом трудным и обременительным.

Большие неудобства возникали, в частности, из-за низкой квалификации провинциальных портных, не умевших шить строевое платье. Осенью 1707 г., например, по распоряжению полковника Г. И. Волконского 1000 кафтаноу белого сукна были отданы на перешивку тульским портным, «чтобы были на драгунах стройны». Одновременно калужские портные переделывали драгунские штаны. В мае 1710 г. сшитые красные епанчи для драгунской жилой роты оказались несходными с утвержденными образцами, и их пришлось перекраивать: епанчи «большой статьи» — на «среднюю статью», среднего размера — «на меньшую статью», а епанчи меньшего размера были отправлены в Устюжский драгунский полк для перешивки на камзолы⁹⁷ и т. д.

Назревала необходимость передачи заготовки обмундирования специальным мундирным органам.

В отличие от органов финансового обеспечения войск, возникших в армейских условиях на базе местных представительств Военного приказа, мундирные канцелярии организовывались в Москве и происхождением не были с ним связаны, хотя действовали по его заказам.

Первая мундирная канцелярия образовалась в недрах Ингерманландского ведомства, где она действовала под руководством президента А. Я. Щукина, заготавливая обмундирование централизованным порядком

⁹⁴ ПСЗ, т. IV, № 2035, стр. 294.

⁹⁵ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 4, л. 46.

⁹⁶ Там же, св. 15, д. 12, лл. 2, 3, 15, 21—25, 28, 32, 38 и др.

⁹⁷ Там же, св. 11, д. 17, ч. 1, л. 65, 68, 84—85 об.

для войск Ингерманландского корпуса⁹⁸. М. Марченко приводит данные, говорящие о том, что работа по заготовке обмундирования здесь кипела уже весной 1706 г.⁹⁹

Образование общегерманской Мундирной канцелярии относится к лету 1708 г. В это же время были сформулированы основные положения ее работы, установлены нормы выдачи и сроки носки обмундирования. Мундирная канцелярия была создана для обеспечения форменной одеждой и обувью личного состава трех дивизий, или 25 пехотных полков¹⁰⁰. В 1710 г. к этому числу было добавлено еще три полка, которые прежде «были во отлучении»¹⁰¹.

Эту канцелярию (именовавшуюся еще и Канцелярией мундирного строения) возглавлял генерал-цальмейстер М. М. Самарин¹⁰², при котором находился штат чиновников, пришедших из Комиссарства.

Казна никогда не возлагала на себя оплату солдатского обмундирования, и до 1708 г. его стоимость вычиталась полковыми комиссарами в сумме 3 руб. (в среднем) из солдатского жалованья¹⁰³. Срок носки форменной одежды определялся тремя годами. В кавалерии вычет был больше и равнялся половине драгунского жалованья. 5 августа 1708 г. именным указом порядок этот был изменен. Сумма вычета была поднята до 5 руб., причем мундир велено было «строить» в Москве¹⁰⁴. Через 20 дней Ратуша доставила в Мундирную канцелярию первые 20 тыс. руб., а уже 6 ноября того же года начался отпуск готового обмундирования в войска¹⁰⁵.

Обязанностью чиновников канцелярии было отправляться трижды в год в командировку с готовым «мундиром» в разные места, «где полки обретаются», так как обмундирование изготовлялось непрерывно в течение всего года. Другая их обязанность заключалась в периодическом осмотре состояния обмундирования: «где в которой дивизии, что надлежит чего готовить»¹⁰⁶.

Кроме собственно «мундира», состоявшего из камзола, штанов и кафтана (слово «мундир» тогда было собирательным понятием), в комплект солдатского обмундирования входило: две пары башмаков «без пряжек с завязками ремешковыми», пара сапог, по две пары чулок, триповый черный галстук с застежками, три нижних рубахи с портами (все это на один год носки), а также шляпа (на два года) и епанча из простого сукна (на три года). Эти нормы были установлены Петром I в августе 1708 г. при рассмотрении составленных М. М. Самариным так называемых «статей о делании мундиру». Тогда же царь распорядился отвести помещение «во дворце» для мундирных мастерских и складов и разрешил изменять цвет солдатских мундиров: если не хватает зеленых

⁹⁸ Деятельность Ингерманландской, или Ижерской, мундирной канцелярии посвящена в основном работа А. И. Юхта «Русская промышленность и снабжение армии обмундированием и амуницией» в книге «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения», стр. 211—227.

⁹⁹ М. Марченко. Приемы разрешения военно-административных вопросов в первые годы XVIII столетия. — «Интендантский журнал», 1901, № 2, стр. 67—71.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ГВК, св. 7, д. 10, ч. 2, л. 2.

¹⁰¹ ЦГАДА, Разряд XXVI, д. 1, ч. 173, № 12, л. 1; Сенат, кн. 4, л. 216.

¹⁰² Указ о назначении М. М. Самарина: ЦГАДА, Разряд XXVI, д. 1, ч. 173, № 13. Опубликован: «Чтения ОИДР», 1874, кн. 2, Смесь, стр. 12 (с опечаткой: вместо «3 дивизий» — «7 дивизий»).

¹⁰³ Зимой, во время пребывания на «винтер-квартирах», вычиталось по 10 алтын в месяц; летом, в походах, — по 2 гривны.

¹⁰⁴ ЦГВИА, ГВК, св. 7, д. 10, ч. 2, л. 2.

¹⁰⁵ ЦГАДА, Разряд XXVI, д. 1, ч. 173, № 10, л. 1.

¹⁰⁶ ЦГАДА, Разрядный приказ, оп. 22, вязка 58, ч. III, д. 2, л. 1—1 об.

сукон, заменять их сукнами любого цвета подешевле («хотя и русские»). Епанчи же велено было делать «из белых русских сукон»¹⁰⁷.

Часть полков была одета щеголевато, а другая, наоборот, посредственно¹⁰⁸. В ряде случаев приобреталось сермяжное сукно и его окрашивали любой имеющейся в распоряжении краской. Были попытки даже красить «березовым листом», но опытные образцы крашеной ткани «явились плохи и непотребны»¹⁰⁹.

Проблема обмундирования войск затруднялась еще и тем, что разные полки носили форму разных цветов (это было вызвано потребностями управления войсками на поле боя).

Еще в период формирования войск на Генеральном дворе в 1699—1700 гг. даточные солдаты, сведенные в шесть полков, были обмундированы в кафтаны разного цвета: зеленые, темно-зеленые, зеленые с темно-зеленым, голубые, красные, вишневые¹¹⁰. Регулярная армия росла, и новые полки получали мундиры разного цвета. «Известие» Мундирной канцелярии, поданное в Сенат в 1711 г., сообщает на этот счет интересные подробности: три гренадерских полка разных пехотных дивизий имели кафтаны зеленого, красного и синего цвета. Солдатские полки в каждой дивизии также носили обмундирование разных цветов. Например, Лефортовский полк 1-й дивизии «карпузы» (т. е. картузы) имел зеленые с красным подбоем, кафтаны красные, а Шлиссельбургский и Ренцелев полки той же дивизии — кафтаны зеленые, но картузы разного цвета (в первом — красные с желтым подбоем, а во втором — зеленые с красным). Копорский полк 1-й дивизии носил шляпы, а не картузы. Во 2-й дивизии в некоторых полках были положены желтые картузы с красным подбоем, а в других — шляпы; кафтаны и здесь были разного цвета: в Белгородском полку, например, кафтаны были васильковые. Но в основном, как показывает этот документ, русская пехота носила в то время зеленые или красные кафтаны, и лишь в некоторых случаях имели место отклонения. В качестве еще одного примера отметим Луцкий полк 4-й дивизии, одетый в белые кафтаны с синими обшлагами¹¹¹.

Организация мануфактурного производства в дворцовых помещениях не удалась, и шитье «мундира» было налажено подрядным способом.

В январе 1709 г. Петр I писал генералу Боуру, что «мундирное строение на все драгунские полки велено строить цальмейстеру Бесугужеву»¹¹², а со следующего года начала действовать Мундирная кавалерийская канцелярия во главе с выходцем из Ингерманландского ведомства оберкомиссаром В. С. Ершовым. Здесь стали ежегодно заготавливать обмундирование на 12 полков.

Помимо предметов обмундирования, солдатам и драгунам выдавалась также за счет их жалования амуниция (портупея, перевязь, патронная сумка), на что вычиталось по указу 1708 г. по 10 алтын 4 деньги с человека¹¹³.

Общевойсковые мундирные канцелярии финансировались Ратушей и Военным приказом. В 1711 г. Военный приказ сообщал Сенату, что из

¹⁰⁷ ЦГАДА, ПДНЛ, 1708 г., д. 126, лл. 1—2; Разряд XXVI, д. 103, ч. II, лл. 416—417 об.

¹⁰⁸ Н. П. Михневич. Вооруженные силы России до царствования Александра I. — «Столетие Военного министерства. 1802—1902», т. IV (введение), СПб., 1902, стр. 117.

¹⁰⁹ М. Марченко. Указ. соч., стр. 70.

¹¹⁰ ЦГАДА, Поместный приказ, Столбцы Генерального двора, д. 18671, л. 203.

¹¹¹ ЦГАДА, Сенат, кн. 4, лл. 217—218 об.

¹¹² ПИБ, т. IX, вып. 1, № 3006, стр. 45.

¹¹³ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 4, л. 19 об.; П. Горновский. Ротное хозяйство, 1649—1901. — «Интендантский журнал», 1901, № 7, стр. 39—40.

его кассы в канцелярии Самарина ежегодно, начиная с 1708 г., отпускалось по 306 070 руб., а канцелярии Ершова — по 175 560 руб., начиная с 1710 г.; «и на те деньги тот мундир они строят, а ведения в Военный приказ не присылают»¹¹⁴. Однако и Ратуша и Военный приказ выдавали деньги нерегулярно. В начале 1710 г. М. М. Самарин доносил царю, что Ратуша не доплатила много тысяч рублей. «и мундира управлять и долгу купецким людям и подрядчикам платить нечим»¹¹⁵. В апреле следующего года он же сообщал в Канцелярию Сената, что за истекший 1710 г. Военный приказ задержал выдачу 60,5 тыс. руб. вычетных мундирных денег, которые «мундиру не отданы», что вызвало полную остановку в пошиве обмундирования. Канцелярия задолжала около 30 тыс. руб. купецким и мастеровым людям, «а ныне в долг никто не верит». Розданное мастерам платье — кафтаны и штаны — за отсутствием приклада («купить не на что») не шилось и уже много времени «валялось» у портных. «Опасно, — замечал генерал-кригс-цальмейстер, — чтоб не распропало». Не изготовлялись и другие предметы обмундирования: за обувь, рубашки, шляпы вообще еще не принимались, гренадерские шапки были только подряжены, «а делать — платить за них нечем»¹¹⁶.

В феврале 1711 г. было запрещено отпускать обмундирование в войска без предварительной оплаты. Поэтому в 1711 г. «мундир» в армию не отправляли вовсе, несмотря на то, что портные в этом годушили 31 753 кафтана английского сукна (из них забраковано 6753) и 29 556 штанов (не принято 5556)¹¹⁷.

Принципы и условия работы в ведомстве В. С. Ершова были такими же, как и в ведомстве М. М. Самарина.

Параллельно с обеими канцеляриями действовала Мундирная канцелярия при Ингерманландском ведомстве. После ликвидации системы ингерманландских оброчных сборов Ижерская канцелярия мундирных дел продолжала существовать, но финансировалась уже из средств общевоеенных органов (с 1711 г. — Главной военной канцелярией)¹¹⁸.

Шитьем «мундира» занимались и другие ведомства, например, Приказ земских дел, при котором также была образована Мундирная канцелярия¹¹⁹.

Мундирные канцелярии находились в Москве — центре складывавшегося всероссийского рынка и мелкотоварного производства. Это облегчало размещение заказов на изготовление обмундирования. Здесь же находились казенные мануфактуры, выпускавшие предметы военной одежды. Таким был, например, Московский шляпный двор, основанный при Земском приказе в 1701 г. (в 1709 г. были закрыты шляпные заведения в других городах), а с 1707 г. находившийся в ведении Ингерманландской канцелярии. В 1710 г. производство шляп прекратилось, поскольку в войсках начали вводить картузы¹²⁰. С 1705 г. здесь же действовал Суконый двор, выпускавший тонкие цветные сукна, которые перешли затем в ведение Главной военной канцелярии, и ряд других мануфактур.

¹¹⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Книги Денежного стола, кн. 265, л. 476, об.

¹¹⁵ ПИБ, т. X, № 3571, стр. 10. Ср.: ЦГАДА, Разрядный приказ, Книги Денежного стола, д. 265, лл. 476 об.—479, 489—489 об.

¹¹⁶ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 4, л. 41.

¹¹⁷ ЦГАДА, Сенат, кн. 4, л. 216, об.

¹¹⁸ Там же, л. 18; Дипр., т. I, № 449, 502, стр. 313, 314, 355 и др.

¹¹⁹ ЦГВИА, ГВК, св. 6, д. 4, л. 18.

¹²⁰ ЦГАДА, Сенат, кн. 7725, л. 1; Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1963, стр. 151—153; А. И. Юхт. Указ. соч., стр. 220.

В 1705 г. при Посольском приказе в Немецкой слободе была создана чулочная мануфактура, позже перешедшая в ведение Ингерманландской канцелярии, а затем Главной военной канцелярии¹²¹.

После передачи полков на содержание губерний в 1711 г. все заботы по снабжению войсковых частей обмундированием и амуницией были переданы губернскому начальству, которому были розсланы соответствующие образцы. Содержание армии по новой системе должно было начаться с 1712 г., а когда оно началось, сразу же стали ясны все неудобства децентрализации снабжения обмундированием. С 1713 г. мундирные канцелярии были полностью восстановлены в своих правах, а деньги им стали присылать из губерний три раза в год¹²².

Создание целой системы комиссариатских и интендантских органов было проявлением кризиса Военного приказа — учреждения, по самой своей природе не соответствующего задачам управления финансовым и материальным обеспечением действующей регулярной армии в условиях длительной и тяжелой войны. Возникшие в центре мундирные канцелярии, содержащиеся и направлявшиеся Военным приказом и Ратушей, также не выполняли своих задач и одно время были даже ликвидированы.

На театре войны возникло и обосновалось Комиссарство, непосредственное управление которым Военный приказ утратил очень быстро. Последний пытался наладить контроль за деятельностью Комиссарства, создав с этой целью Приказ счетных дел.

Губернская реформа внесла существенные изменения во все отрасли военного хозяйства. В начале 1711 г. было дано указание назначить из губерний в полки губернских комиссаров, в обязанности которых входил учет людского состава, наличия обмундирования и других военных припасов в полках, учет и проверка состояния лошадей — «что чего порознь налицо и что надобно в добавку». Учитывая важность и новизну дела губернских комиссаров, правительство пыталось поднять их авторитет в войсках, предписывая командирам подчиняться комиссарам в подведомственных им вопросах¹²³. Окончательный срок присылки комиссаров из губерний в полки был назначен на сентябрь 1711 г.¹²⁴, но практически устройство губернского комиссариата в войсках затянулось до конца 1711 г.

В феврале 1711 г. был учрежден Сенат — высший орган государственной власти в стране. В области военного управления Сенат стал руководящим и объединяющим началом для всех органов, ведавших снабжением армии всеми видами довольствия и рекрутскими делами. Сенат развил бурную деятельность в области комплектования, привлекая к этой работе как разные приказы, так и губернские власти. Большие усилия были приложены им и в деле финансирования армии, снабжения ее вооружением, продовольствием, обмундированием и прочим интендантским имуществом.

Создание Сената с его высшими законодательными и распорядительными функциями еще более уменьшило значение Военного приказа. В частности, это привело к окончательному отрыву от него комиссариатской системы, чему содействовал перевод войск на губернский бюджет и губернское снабжение. Во второй половине 1711 г. Комиссарство полу-

¹²¹ Е. И. Заозерская. Указ. соч., стр. 157, 161, 165, 175 и др.
¹²² Ф. Шелехов. Исторический очерк устройства интендантства в России. — «Интендантский журнал», 1899, № 1, стр. 16.

¹²³ ПСЗ, т. IV, № 2319, стр. 626; ЦГВИА, Кабинетские дела, оп. 1/119, св. 26, д. 1, л. 62 об.

¹²⁴ ДиПр., т. I, № 58, стр. 36.

чило свое новое и законченное устройство. Оно создавалось при войсках в качестве контролирующего и распорядительного органа, независимого от Военного приказа, хотя и имело общего с ним начальника: этот пост занял князь Я. Ф. Долгорукий.

Именной указ 31 июля 1711 г. лишь в самых общих чертах определял устройство и функции Комиссарства, глава которого — генерал-кригс-комиссар — включался в состав Сената. Комиссарству вменялось в обязанность контролировать деятельность губернских комиссаров в войсках в вопросах выдачи жалованья, обмундирования, оружия и продовольствия¹²⁵. Исполнительная часть военного хозяйства закреплялась за губернскими органами, подчиненными Сенату¹²⁶.

Уже в августе 1711 г. были установлены штаты канцелярии Комиссариата, вслед за чем началось ее комплектование офицерами, дьяками и канцелярскими служителями¹²⁷.

Новая канцелярия получила наименование «Военной». В сенатских делах ее название встречается впервые в начале сентября 1711 г.¹²⁸

Некоторое время она существовала параллельно с Военным приказом, который переживал свой ликвидационный период. Все основные функции приказа были перехвачены Военной канцелярией (или Главной военной канцелярией), которая на ходу приняла и продолжала делопроизводство приказа. Никакого указа о закрытии Военного приказа дано не было (он закрылся, видимо, ведомственным распоряжением), поэтому в переписке и ряде государственных актов еще некоторое время Главная военная канцелярия иногда называлась Военным приказом. Но современники отлично знали, что бывший Военный приказ «ныне именуется Воинской главной канцелярией»¹²⁹.

Формирование Комиссариата продолжалось до конца 1711 г. В середине декабря 1711 г. общие указания о функциях Комиссариата получили свое дальнейшее развитие в «Регламенте Кригс-Комиссариата», где подтверждалось положение этого органа в качестве распорядительной и контролирующей инстанции. Но история Комиссариата и обслуживания его Военной канцелярии — самостоятельная тема при изучении эволюции центрального военного аппарата.

Следует сказать несколько слов о судьбе самой системы снабжения армии непосредственно из губернских касс, установившейся в 1712 г. Система эта, несмотря на ее кажущиеся выгоды, имела скрытые недостатки, выражавшиеся в том, что Комиссариат и Военная канцелярия не имели возможности не только активно воздействовать на губернские власти, но и контролировать их в деле доставки денег и обмундирования в войска. Последнее было замечено раньше всего и заставило Сенат в апреле 1712 г. нарушить только что установленный порядок и отдать распоряжение присылать мундирные деньги из губерний в Военную канцелярию.

В ближайшие годы система «полного Комиссарства» при армии показала свою полную нежизненность. В 1717 г. она была отменена и все денежные суммы, предназначенные на содержание армии, предписано было из губерний доставлять не непосредственно в войска, а в Военную

¹²⁵ ПСЗ, т. IV, № 2412, стр. 124.

¹²⁶ П. А. Гейсман. Связь военной администрации с стратегией и тактикой. — «Интендантский журнал», 1904, № 2, стр. 9—10.

¹²⁷ ДиПр., т. I, № 376, стр. 268—269; № 380, стр. 270; № 407, стр. 288; № 459, стр. 320.

¹²⁸ Там же, № 300, стр. 222.

¹²⁹ ДиПр., т. II, кн. 1, № 365, стр. 262.

канцелярию¹³⁰. Военная канцелярия тем самым обрела черты Военного приказа, присущие ему на втором этапе своего существования (1710—1711 гг.), когда этот приказ также финансировался губернскими кассами и сам выплачивал жалование войскам. Именно поэтому «Реестр коллегиям» в разделе о должности Военной коллегии, определяя в нескольких словах круг деятельности нового центрального учреждения, предписывал Военной коллегии ведать «армию и гарнизоны и все воинские дела, которые были ведомы в Воинском приказе и которые прилучаются во всем государстве»¹³¹.

* * *

Подводя итоги всему сказанному, следует отметить, что Военный приказ, созданный в предвоенный период, когда еще никто не предвидел, какой тяжелой и затяжной будет война и какие задачи по управлению армией она выдвинет, проделал за время своего существования большую работу по финансовому обеспечению регулярных войск. Приемы его работы и внутреннее устройство основывались на опыте прошлых лет и не соответствовали новым задачам, выдвигавшимся требованиями жизни. Это привело к созданию целой системы побочных организационных форм в виде Комиссарства, Приказа счетных дел и мундирных канцелярий, а затем — к разрушению и перестройке всей этой системы.

Однако накопленный опыт финансирования войск не пропал даром. После испробования ряда форм правительство, с образованием Военной коллегии, вернулось к оправдавшей себя системе снабжения войск деньгами через центральный орган, вместо оказавшегося неудачным порядком непосредственного финансирования их из губернских касс.

¹³⁰ ПСЗ, т. V, № 3043, стр. 479—480.

¹³¹ ПСЗ, т. V, № 3265, стр. 601.